

ПЕТЕРБУРГСКОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ЛАТИНСКОЙ ИЕРАРХИИ В РОССИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII В.)

А. Н. Андреев

Рассмотрен персональный состав священнослужителей петербургской римско-католической церкви в последней четверти XVIII в. До 1780-х гг. церковной работой в городе занимались францисканцы, в последнее десятилетие века — представители белого духовенства, а с 1800 г. — иезуиты. Проанализированы основные направления их внеприходской деятельности — прозелитическая и педагогическая. Сделан вывод о том, что церковная организация петербургских католиков к концу века вновь приобрела миссионерские функции. Влияние католической церкви, благодаря деятельности петербургского духовенства, заметно усилилось, создав почву для возникновения идеологии, философии и культуры «русского католицизма» в XIX в.

Ключевые слова: римские католики, католическое духовенство, католические общины, католический приход в Санкт-Петербурге, русское общество, Россия в XVIII в.

С образованием Белорусской римско-католической иерархии, изменением правового статуса Римской церкви в России в целом, и петербургского прихода св. Екатерины Александрийской в частности [1, с. 8], можно вести речь о появлении в городе церковнослужителей новой формации. Это были обладающие опытом светской жизни патеры, подчеркивавшие лояльность русской императрице и полностью зависевшие от ее распоряжений в ущерб согласованности своих действий с Римской курией. Ярким представителем новых церковных кадров был немец о. Адольф Франкенберг, избранный суперитором при поддержке Екатерины II в 1770 г. и еще до того вступивший в открытое противостояние с Конгрегацией пропаганды [2, с. 12]. Через четыре года его сменил другой немец из францисканцев — Евфимий Мюллер¹ (Euthimius Müller Superior), в подчинении которого, по-видимому, какое-то время оставался патер Адольф². Поскольку среди петербургских католиков, как и вообще среди петербургских иностранцев, немцев было больше всего [6, с. 13, 47], приход часто возглавляли представители именно этой национальности. Помимо о. Адольфа, в начале 70-х гг. XVIII в. петербуржцев окормляли священники Францисканского ордена о. Электус, о. Адальберто, Виктор де Каналь и Андреа де Премочелло [4, л. 15об.—21; 5, л. 1—5]. В 1776 г. их сменили аббат Дефорж, о. Никта, о. Иоанн Кантио,

Тадеуш Суливан [5, л. 5—6], а еще через год в приходе появился патер Иосиф Риттер [4, л. 22об.]. Священники в количестве от четырех до шести человек призывались в костел на 4 года (срок их пребывания, впрочем, мог быть продлен до 8 лет)³. Все они подчинялись Могилевской епархии во главе с Сестрэнцевичем, присягали на верность России и были вынуждены следовать Регламенту 1769 г. [8, с. 53—54; 9]. Регламент строго воспрещал прозелитическую и просветительско-образовательную деятельность в отношении христиан-некатоликов (как православных, так и протестантов) [7, с. 1000, 1003]. По-видимому, петербургское духовенство в первое десятилетие по дарованию Регламента неукоснительно соблюдало все эти предписания — миссионерские усилия патеров замерли (приход к тому времени юридически уже перестал быть миссией), их деятельность замкнулась в рамках прихода.

К сожалению, по причине отсутствия в церковном архиве метрических книг за 80-е гг. XVIII столетия, обычно фиксировавших имена совершавших таинства патеров, священнослужительский корпус петербургских католических общин этого периода охарактеризовать в деталях весьма трудно. Очевидно лишь, что многие из священников костела на Невском имели восточно-польское происхождение или же учились и служили в Белоруссии и Литве — им, ставшим в ходе разделов Речи Посполитой «россиянами», т. е. российскими подданными, отдавалось предпочтение при занятии церковных должностей. Делалось это на основании указов от 3 июля 1779 г. и 9 января 1780 г., Жалованной грамоты на установление Могилевского архиепископства 14 ноября 1783 г. и др. правовых актов, существенно ограничивших или даже запретивших въезд духовных особ из-за

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-31-01205.

² Мюллер в 1760-х гг. являлся священником немецкой колонии Каменка. Согласно одной из версий, был первым приором католических приходов в Поволжье [3, с. 61]. В этой должности Мюллер был знаком с императрицей, которая обеспечила ему повышение и перевод в Петербург.

³ Адольф находился в Петербурге и служил в церкви как минимум до 1776 г., судя по записям в метрической книге прихода [4, л. 15—22об.; 5, л. 5—6].

³ См. «Регламент, данный Санктпетербургской римско-католической церкви» [7, с. 999].

границы¹. Так, в 1782 г. властью епископа Станислава Сестренцевича во главе петербургского прихода был поставлен ксендз Михаил Ростоки — моголевский каноник, окончивший семинарию и академию в Вильне и до своего назначения в столицу Российской империи полтора десятка лет прослуживший благочинным в Витебске [8, с. 56]. В 1783 г. священником польской общины был назначен прелат архидиакон Петр Ханкевич, в дальнейшем член римско-католической духовной коллегии и кавалер ордена св. Анны второй степени [11, л. 7]. В том же году должность священника немецкой общины занял Карл Шейнак, каноник Ливонский [11, л. 7]. Ближайшим помощником настоятеля-супериора с 1788 г. являлся ксендз Сергей Храчински, бывший лютеранский каноник, учившийся на факультетах философии и нравственного богословия Краковского университета, а затем продолживший обучение в Виленской академии. О. Сергей был взят архиепископом Сестренцевичем в качестве секретаря в Моголевскую римско-католическую консисторию и после шестилетней чиновничьей службы определен приходским священником в Петербург [8, с. 56]. В 1790 г. в костеле св. Екатерины также служил ксендз Вильгельм Дамнау — венгр, получивший прекрасное философское и теологическое образование в Польше, некоторое время окормлявший католиков в Белоруссии и Москве, а затем бывший капелланом при австрийском посольстве в России Людвиге Кобенцле [8, с. 56]. В 1793 г. священником немецкой общины храма стал францисканец Ян Дукля, человек драматичной судьбы: получив квалификацию богослова в Баварии, по приезде в Россию он был определен к немецким колонистам в Саратов (в 1767 г.) и вскоре похищен киргизами. После выкупа в 1779 г. он шесть лет возглавлял саратовский костел. Прибыв в Петербург в 1788 г., Дукля не сразу был допущен к приходской работе, и был вынужден устроиться капелланом при неаполитанском посольстве [8, с. 56].

В 1790-е гг. в костеле продолжали служить Михаил Ростоки, ставший архиепископом, Ханкевич и Шейнак, а в 1798 г. к ним присоединились кюре Александр Сингили — еще один священник для многочисленной немецкой общины, и Алоизий Ростоки — священник для итальянцев, более десяти лет не имевших собственного патера [11, л. 7]. Настоятель о. Михаил за свою службу получал из приходских средств 640 рублей годового жалованья, остальные кюре — по 540 руб. [11, л. 7]. Несколько иные данные привел посетивший Петербург при Павле I аббат Ж.-Ф. Жоржель, который писал: «Этим священникам дается квартира с обстановкой, отоплением и освещением и по пятисот рублей жалованья, прево получает тысячу, кроме того, в их пользу поступает плата за требы» [12, с. 134]. Приход в конце века имел и иные существенные источники дохода — с церковных квартир, лавок и погребов. Например, поступления в приходскую казну по этим статьям за 1794—1796 гг. составили 52 138 руб. [11, л. 3]; в 1799 г. доходы за исполнение треб равнялись сумме

свыше 1715 руб., за сдачу церковного жилья — свыше 16 094 руб. [8, с. 55]. Приход, правда, продолжал еще рассчитываться по долгам, возникшим в ходе строительства и украшения костела, однако немалые доходы давали возможность содержать целый штат служителей: эконома с жалованьем в 350 руб. в год, бухгалтера (300 руб.), двух пономарей (с окладом в 170 руб. каждому), органиста (100 руб.), четырех дворников (по 99 руб. каждому) и кучера (144 руб.) [11, л. 7]. Таким образом, одни расходы на выплату жалованья храмовым служащим составляли 4970 руб. в год. Достойное материальное обеспечение ксендзов давало им возможность держать себя на равной ноге с представителями столичного дворянства, развивать хозяйство, осуществлять каритативную деятельность и повышать авторитет церкви. Например, около 1800 г. при костеле появилась аптека, из которой бесплатно выдавались бедным людям лекарства и возникло «даже нечто вроде фабрики разных изделий механических, на которой можно было заказывать некоторые вещи и покупать» [13, с. 427].

Следует обратить внимание, что в рассматриваемый период петербургские священники обладали серьезной богословской подготовкой и озаменовали своим служением начало большого интеллектуального подъема в жизни столичного прихода: проповеди таких ксендзов-эрудитов привлекали внимание не только католиков, а новейшие философские знания делали их интересными в глазах петербургского света.

Большие перемены в жизнь храма св. Екатерины Александрийской внесла французская революция, заметно расширившая рамки деятельности клира. Наплыв священников-иммигрантов и оказываемая им со стороны правительства и петербургской знати поддержка *de facto* изменили правовое положение католического духовенства столицы, среди которого в 1790-е гг. стали преобладать иностранцы (именно французы). В 1797 г., на момент визита архиепископа Моголевского в Петербург, в костеле служили уже 22 приходских священника, из которых 16 были французами — Юбер Обри, Франциск Бра, Людовик Брис, Филипп Буавэн, Жан Шекл, Вольфрам Даниэль, Лорэнти Гогниат (Гоньят), Морис Энри, Мишель Ланглуа, Никола Ламери, Грегори Мангэн, Адриан Сурунь, Ком Монфокон, Симфориан Годон, Филипп Мерсье, Шарль-Доминик Николь. Во главе этой многочисленной братии был поставлен префект французской общины кюре Жан-Батист-Луи-Жозеф Маскле (Маселе, Masclet) — каноник Смоленский, выпускник философского и теологического факультетов Сорбонны, прибывший в Петербург 1 сентября 1791 г. [8, с. 56]. Среди французских прелатов, по некоторым сведениям, были тайные или бывшие иезуиты [13, с. 262]. Контролировать их деятельность было трудно, тем более что количество священников явно превышало потребности французской общины: согласно метрикам, крещения и венчания, в основном, осуществлял Маскле [14, л. 1—48, 54—69об.]. Другие же кюре и аббаты, вопреки действовавшему Регламенту 1769 г., при попустительстве столичных властей, развернули работу по привлечению новых прозелитов из числа русской аристократии и прилагали немалые усилия для обеспечения ка-

¹ Подр. с указанием законодательных источников см. [10, с. 110].

толической аккультурации русского юношества. Результатом стала серия обращений в католичество придворных дам и рецепция католической культуры рядом молодых людей, подготовивших своими религиозными исканиями почву для возникновения феномена «русского католицизма» уже во второй трети XIX в. [15, с. 81—86]. Идеи П. Я. Чаадаева и В. С. Соловьева вырастали на этой почве [16, с. 81], и петербургское духовенство сыграло в данном процессе культуртрегерскую роль.

Фактически к концу XVIII столетия петербургский приход св. Екатерины вновь обрел значение миссионерской организации, хотя пропаганда католичества шла, в основном, за пределами костела — в аристократических салонах и элитных школах¹. В 1790-е гг. возрождается педагогическая работа латинских священников. С 1794 г. дети русских аристократов обучались в благородном пансионе аббата Ш.-Д. Николя у Обухова моста на Фонтанке — престижном заведении, имевшем «открыто католический характер» [16, с. 47], с программой, рассчитанной на внимание великосветских особ². Аббат Николь (согласно Ф.Ф. Вигелю, тайный иезуит), выпускник парижской коллегии св. Варвары, прочно вошел в историю русского и европейского образования как талантливый религиозный воспитатель — покинув Петербург, в начале XIX в. он создал знаменитый лицей в Одессе под покровительством герцога Ришелье, а возвратившись в 1820 г. на родину, стал ректором Парижской академии и главным викарием Парижа [17]. Своим успехом Николь активизировал педагогическую деятельность коллег по костелу св. Екатерины — обосновавшиеся в храме в 1800 г. иезуиты сразу же стали работать над созданием собственного коллегіума (института), рассчитывая привлечь внимание русских вельмож. Этот расчет полностью оправдался. Сначала иезуиты модернизировали старое училище при церкви, а затем преобразовали его в коллегиум. Коллегиум-пансион был открыт в январе 1803 г. в специально построенном Л. Руска доме на пересечении Екатерининского канала и Итальянской улицы (Канал Грибоедова, 8) [8, с. 58; 18, л. 13], и его деятельность сумела придать жизни верхних слоев петербургского общества особый «католический» колорит. Так начиналась эра «русского католицизма», прямо вытекающая из истории развития ряда церковных образований католиков в России, и в первую очередь — петербургских общин.

В нарушение Регламента 1769 г., предписывавшего, чтобы приходские священники в Петербурге были монахами-францисканцами, уже в 1780-е гг. среди клира числились «секулярные» каноники и просто священники из белого духовенства³. В по-

¹ Проповедниками католицизма в светских салонах стали Маскле, аббат Николь и др. [13, с. 262—263].

² Подробно о пансионе Николя, его устройстве, программах, учениках, о том значении, какое имело это заведение см. [10, с. 134—135].

³ В «ведомости» о состоянии церкви на Невском проспекте, составленной в 1878 г., говорится: «С 1798 по 1800 г. настоятель прихода св. Екатерины и его викарные были священники из белого духовенства» [18, л. 12об.].

следний год XVIII в. ситуация вновь изменилась: в Петербурге обосновались иезуиты, которых призвал Павел I. Такому решению российского императора предшествовали интриги прибывшего в столицу ректора Полоцкой иезуитской коллегии Габриэля Грубера, обладавшего талантом царедворца и сумевшего очаровать Павла перспективами развития «Общества Иисуса» в России. Бывший профессор архитектуры и агрономии, Грубер не только приобрел кредит при дворе, но и вызвал интерес у промышленников своими изобретениями (в частности, машиной для стрижки сукон) [19, с. 173]. 18 октября 1800 г. император издал указ «Об отдаче католической церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге, с принадлежащим к ней домом, в управление монахам ордена иезуитского». Этим документом иезуитам было даровано право пользоваться доходами от имущества костела, а чуть позднее они были выведены из подчинения митрополиту Сестренцевичу [20, л. 135; 21, с. 347]. В результате влияние петербургских иезуитов в начале XIX в. достигло исторического максимума — не только в сфере церковного управления, но и в умах выдающихся русских людей. На историческую арену готовились выйти М. Ф. Орлов, М. С. Лунин, П. Я. Чаадаев, И. С. Гагарин, В. С. Печерин и многие другие представители русской интеллигенции, отстаивавшие приоритет католической духовности. В весьма противоречивую эпоху становления латинской иерархии, когда только формировалось правовое поле функционирования Римской церкви в России, прерогативы патеров во многом зависели от личных связей с вельможами, умения влиять на атмосферу при дворе. В этот период петербургское духовенство сумело сформировать ментальную основу для возникновения католических симпатий в данной социальной среде.

Литература и источники

1. Андреев, А. Н. Правовое положение петербургских католиков и практика их взаимодействия с органами власти в XVIII веке / А. Н. Андреев // Гуманитарные научные исследования. — М. : Междунар. научно-инновационный центр — 2014. — № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6541> (дата обращения: 25.04.2014).

2. Андреев, А. Н. Римско-католическое духовенство в Петербурге в 1740—1760-е гг. / А. Н. Андреев // Гуманитарные научные исследования. — М. : Междунар. науч.-иннов. центр, 2014. — № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/05/6914> (дата обращения: 29.05.2014).

3. Лиценбергер, О. А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение / О. А. Лиценбергер. — Саратов : Поволжская Академия государственной службы, 2001. — 384 с.

4. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 27.

5. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 28.

6. Алакишин, А. Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования / А. Э. Алакишин. — СПб. : ИД «Петрополис», 2014. — 240 с.

7. Законодательство Екатерины II. — Т. 1. — М. : Юрид. лит., 2000. — 1056 с.

Однако, очевидно, члены секулярного клира обосновались в храме задолго до 1798 г.

8. Ханковская, Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге / Р. Ханковская. — СПб. : Чистый лист, 2001. — 240 с.

9. РГИА. Ф. 822. Оп. 12. Д. 2588.

10. Андреев, А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. / А. Н. Андреев — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 393 с.

11. РГИА. Ф. 821. Оп. 144. Д. 1.

12. Жоржель, Ж.-Ф. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I / Ж.-Ф. Жоржель ; пер. с фр. Н. Соболевского. — М. : К. Ф. Некрасов, 1913. — [2], III, [3], 231 с.

13. Морошкин, М. Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени / М. Я. Морошкин. — Ч. 1. — СПб. : Тип. 2-го Отд. собств. Е. и. в. канцелярии, 1867. — 501 с.

14. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 29.

15. Андреев, А. Н. Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII

— начале XIX в. (по мемуарам В.Н. Головиной) / А.Н. Андреев // Российская история. — 2010. — № 2. — С. 81—91.

16. Цимбаева, Е. Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века / Е. Н. Цимбаева. — 2-е изд, испр. и доп. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 208 с.

17. Ржеуцкий, В. С. Пансион аббата Николая / В. С. Ржеуцкий // Le Bulletin de l'Alliance Française. — 1999. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.af.spb.ru/bull3/ABBE-NIC.htm> (дата обращения: 01.07.2014).

18. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 493. Ч. 1.

19. Петрова, М. А. Иезуиты в церковной политике Павла I / М. А. Петрова // Россия и иезуиты. 1772—1820 / отв. ред. М. Инглот, Е.С. Токарева. — М. : Наука, 2006. — С. 161—180.

20. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1027.

21. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 26. — СПб. : Тип. 2-го Отд. собств. Е. и. в. канцелярии, 1830. — 875, 9 с.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Сфера научных интересов: история западнохристианских вероисповеданий в России, история духовной культуры России XVIII в., история Русской Православной Церкви. E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 04 августа 2014 г.

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2014, vol. 14, no. 3, pp. 6–10*

THE PETERSBURG CATHOLIC CLERGY DURING THE FORMATION OF ROMAN HIERARCHY IN RUSSIA (THE LAST QUARTER OF THE 18-TH CENTURY)

A. N. Andreev, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation, alxand@yandex.ru

The article considers the personnel composition of clerics in Petersburg Roman Catholic temple in the last quarter of the 18-th century. Till 1780-th years the Franciscans worked in the city, but in the last decade of the 18-th century they were displaced by members of secular clergy and however already in 1800 in the parish there were only Jesuits. This paper accentuates the main activity lines of Roman clergy — their religious propaganda and educational practice. The author concludes that church organization of the Petersburg Catholics by the end of the century again became the missionary point. Owing to activity of the Petersburg clergy the Roman Catholic Church in Russia greatly has amplified own influence. It has created the ground for appearance of ideology, philosophy and culture of “Russian Catholicism” in the 19-th century.

Keywords: Roman Catholics, Catholic priesthood, Catholic communities, Catholic parish in St.-Petersburg, Russian society, Russia in the 18-th century.

References

1. Andreev A.N. Pravovoye polozheniye peterburgskikh katolikov i praktika ikh vzaimodeystviya s organami vlasti v XVIII veke [The legal status of Petersburg Catholics and the practice of their interaction with authorities in the 18-th century] *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanities scientific studies]*, 2014, № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6541> (date of the address: 25.04. 2014).

2. Andreev A.N. Rimsko-katolicheskoye dukhovenstvo v Peterburge v 1740-e — 1760-e gody [Roman Catholic priesthood in Petersburg in the 1740—1760-th years] *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanities scientific studies]*, 2014, № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2014/05/6914> (date of the address: 29.05. 2014).

3. Litzenger O.A. Rimsko-katolicheskaya Tserkov' v Rossii: istoriya i pravovoye polozheniye [The Roman Catholic Church in Russia: its History and Legal Status]. Saratov: Povolzhskaya akademiya gossluzhby, 2001, 384 p.

4. Central'nyi gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St.-Petersburg (further — CSHA SPb.)]. Collection 347. Schedule 1. File 27.

5. CSHA SPb. Coll. 347. Sched. 1. F. 28.

6. Alakshin A.E. Inostrantsy v Peterburge XVIII veka. Opyt istoriograficheskogo issledovaniya [Foreigners in Petersburg of 18-th century. An attempt of historiography research]. St.-Petersburg: Petropolis, 2014, 240 p.
7. Zakonodatel'stvo Ekateriny II [Legislation of Catherine Secunda]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2000, Volume 1, 1056 p.
8. Hankovska R. Khram svyatoy Ekateriny v Sankt-Peterburge [The church of St. Catherine in St. Petersburg]. St.-Petersburg: Izdatel'stvo «Chisty list», 2001, 240 p.
9. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive (further — RSHA)]. Collection 822. Schedule 12. File 2588.
10. Andreev A.N. Katolicizm i obshchestvo v Rossii 18 veka [The Catholicism and society in Russia in the 18-th century]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo JuUrGU, 2007, 393 p.
11. RSHA. Coll. 821. Sched. 144. F. 1.
12. Georgelle J.-F. Puteshestviye v Peterburg abbata Zhorzhelya v tsarstvovaniye imperatora Pavla I [The Wayfaring in Petersburg of abbot Georgelle under Paul I]. Moscow: K.F. Nekrasov, 1913, [2], III, [3], 231 p.
13. Moroshkin M.Ya. Iezuity v Rossii s tsarstvovaniya Ekateriny II i do nashego vremeni [Jesuits in Russia from Catherine Secunda's reign and till our time]. St.-Petersburg: Tip. II Otd. sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1867, Part 1, 501 p.
14. CSHA SPb. Coll. 347. Sched. 1. F. 29.
15. Andreev A.N. Konfessional'noye vliyaniye frantsuzskoy emigratsii na russkoye dvoryanstvo v kontse XVIII — nachale XIX v. (po memuarom V.N. Golovinoy) [The confessional influence of the French émigrés upon the Russian nobility in the late 18(th) — early 19(th) century (from the memoirs of V.N. Golovina)] *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 2010, № 2, pp. 81—91.
16. Tsimbayeva E.N. Russkiy katolitsizm: Ideya vseevropeyskogo edinstva v Rossii XIX veka [The Russian Catholicism: An idea of the all-European unity in Russia in the 19-th century]. Moscow: LKI, 2008, 208 p.
17. Rzeutsky V.S. Pansion abbata Nikolya [The boarding-school of Abbot Nicolle] *Le Bulletin de l'Alliance Française*, 1999, № 3. URL: <http://www.af.spb.ru/bull3/ABBE-NIC.htm> (date of the address: 01.07.2014).
18. RSHA. Coll. 821. Sched. 125. F. 493. Part 1.
19. Petrova M.A. Iezuity v tserkovnoy politike Pavla I [Jesuits in the church politics of Paul I] *Rossiya i iezuity. 1772—1820 [Russia and Jesuits. 1772—1820]*. Moscow: Nauka, 2006, pp. 161—180.
20. RSHA. Coll. 826. Sched. 1. F. 1027.
21. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [The full corpus of laws of Russian Empire]. St.-Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1830, Volume 26, 1875, 9 p.

Received August 4, 2014